

ЛИТЕРАТУРА

1. Иноземцев В.Л. Глобальная экономика-2008: ощущение неопределенности. // Свободная мысль, 2008. № 1, с.61-74.
2. Киященко Н.И. Может ли быть толерантным диалог цивилизаций? //Философские науки, 2008, № 4, с. 23.
3. Миронов В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии //Вопросы философии, 2006, №2, с.27-43.
4. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. - Минск, 2004. - с.31.
5. Системная трансформация общества: исторический опыт и современность. Брест, 2006.
6. Яскевич Я.С. Становление идеологии белорусского государства и национальная идея: традиции и новации. – Минск. - 2004, с.56.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Л.Г.Титаренко

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

В условиях современных глобализационных процессов и продолжающейся трансформации постсоветского общества в Беларуси (как и других постсоветских странах) происходит процесс изменения идентичности и социокультурных ценностей населения. Прежде всего, речь идет о формировании стабильной национальной белорусской идентичности, т.е. того ее типа, который в зарубежной литературе связывается со страной, с принадлежностью гражданина тому или иному национальному государству (nation-state). Поскольку на протяжении последних десятилетий прошлого века национальные государства считались субъектами международных отношений, которые исчезают с исторической арены под напором глобализации, данный тип идентичности считался неперспективным: ему на смену должна была прийти глобальная идентичность. Новый век убедительно доказал, что национальная идентичность по-прежнему актуальна, а для новых государств – субъектов международных отношений она вообще незаменима. Ни глобальная, ни европейская идентичность не заменяют национальную, сегодня они могут сосуществовать в тех странах, которые включены в глобальную и европейскую интеграцию. Однако поскольку идентичность, как и мир, постоянно меняется [1, 100], содержание национальной идентичности в начале двадцать первого века существенным образом отличается от того содержания, которое вкладывалось в это понятие Б.Андерсоном [2]. Основной тезис данной статьи состоит в том, что сегодня наиболее значимой для современного национального государства становится национальная идентичность, понимаемая как гражданская. Именно такой тип идентичности постепенно формируется в современной Беларуси.

Идентичность как особое качество группы, общества, народа формируется двояко: во-первых, как общность со схожими, подобными группами, обществами («мы» - группа), во-вторых, как различие с чужими, другими группами, обществами («они» - группа). Коллективное самосознание группы, народа должно включать в себя (на сознательном или бессознательном уровне) некие устойчивые архетипы отношения и к себе, и к иным социокультурным и национально-этническим группам; миру в целом.

Беларусь не является исключением. Важнейшей особенностью формирования национальной идентичности здесь является тот факт, что до 1991 года Беларусь по сути никогда не выступала на мировой арене как самостоятельная держава (ни ВКЛ,

ни БНР, ни БССР не отвечали в полной мере этому критерию). За долгие предшествующие века территорией, на которой жили предки современных белорусов (кривичи, дреговичи, другие племена и этносы), правили чужие (или чуждые) элиты, господствовали чужие государственные структуры. Вполне естественно, что подобная государственная идентичность не может служить историческим фундаментом формирования собственно белорусской национальной идентичности в 21-м веке. Историческое сознание белорусского народа хранит культурные традиции и обряды, верования и обычаи прошлого, но не память о выдающихся правителях, полководцах, царях государств, в которых народ жил. В отличие от русских, до сих пор считающих Петра Первого одной из величайших фигур своей истории [3], или поляков, преклоняющихся перед И.Пилсудским, белорусам и в голову не придет относиться подобным образом ни к польским государственным мужам, ни к российским царям. Эта история, ее фигуры остались «чужими», с которыми белорусы себя никогда не отождествляют. Даже деятели советского прошлого, оставшиеся в исторической памяти россиян, практически исчезли из памяти населения нынешней Республики Беларусь: ни о Сталине, ни о Ленине народ в целом не вспоминает (исключение составляют лишь отдельные социальные группы, тогда как в России – это большинство). «Свое» прошлое белорусов – это их культура, сформировавшаяся за века в составе разных государств, но не потерявшая своей специфики, а также последняя большая война, которая унесла миллионы жизней белорусов, но показала жизнестойкость народа, его мужество. Поэтому среди событий «своей» истории белорусы чаще всего вспоминают именно эту войну и победу в ней, которая была и победой белорусского народа.

Процесс складывания национальной идентичности белорусов происходил и поныне происходит иначе, нежели в странах, следовавших классической модели формирования идентичности в эпоху формирования национальных государств: если там общая территория и язык были важными признаками государства, а оно само навязывало т.н. национальную идентичность, то у белорусов ее раньше в подобной форме просто не существовало. «Нормальную» национальную (государственную) идентичность заменяла территориально-локальная идентичность тутэйших. Тутэйшие – жители той же местности, того же городского или сельского поселения, «малой родины», среди которых могут быть лица любого этнического происхождения, разного гражданства, ведь главное, что их объединяет, – это территория, локальность. Данный тип и сегодня имеет место в ряде стран, он репрезентирует важность локального уровня идентичности людей, живущих, как правило, на периферии современных наций-государств [4; 148]. Наши предки, жившие на данной территории во времена ВКЛ, Польши или России, чувствовали себя не поляками и россиянами, а тутэйшими (местными) жителями. Эта идентичность была очень популярной среди белорусского населения и в XIX, и в XX вв. [5; 6]. Она сохранилась и сегодня, замещая не сложившуюся у тех или иных групп населения гражданскую идентичность.

Отметим еще одну важную особенность. В ситуации выбора «мы» - групп белорусы, лишённые своего национального государства, всегда мирно жившие совместно с представителями других этносов, делали смысловой «перенос»: вместо идентичности с большой социальной группой по критерию этничности или государства они предпочитали отождествление с «мы» - группой по социокультурным критериям: вероисповедания, нравственных принципов, образа и уровня жизни, сходным обычаям. Эти социокультурные критерии групповой идентичности и сегодня остаются чрезвычайно важными у белорусов: они занимают более высокую позицию, чем типы идентичности по этнонациональному или гражданскому критериям. Поэтому для белорусов и сегодня национальная идентичность есть одновременно (а, может быть, прежде всего) и их социокультурная «мы» - группа (или несколько таких групп). Пока РБ окончательно не укоренится на международной арене как самостоятельная страна, пока

четко не решится вопрос о статусе надгосударственного союза Беларуси и России, новая национальная идентичность по типу классической модели (гражданство) не станет доминировать. На это потребуется не один десяток лет (так, в Бельгии, которая образована более 100 лет назад, и сегодня идентичность по этническому происхождению бывает важнее национальной, гражданской). Но процесс этот успешно начался: молодое поколение до 20 лет (первое постсоветское поколение) чаще старшего (50 и выше) поколения определяет себя подобным образом. И если за промежуток времени менее двух десятков лет четверть населения страны пришла к тому, что часто идентифицируется как «мы» - группой именно с гражданами Республики Беларусь, то это уже немалое достижение. Можно предположить, что данный процесс будет успешно развиваться и далее, если наша республика будет функционировать как самостоятельное государство на мировой арене, добиваясь экономических успехов и культурных достижений, укрепляя у всего населения (независимо от этнического происхождения) чувство гордости за свою страну.

Третья важная особенность белорусской национальной идентичности – ее т. наз. пограничный характер. Белорусы как народ, на культуру и историю которого оказали большое влияние и западная (латинско-католическая) и восточная (византийская) цивилизации, не замыкается ни в одной из них [7,141; 8,148]. Эта особенность во многом обусловила тот факт, что население Беларуси, которая не является широко вовлеченной в процессы глобализации и международной интеграции, тем не менее имеет т. наз. множественную идентичность. Это означает, что здесь ни один отдельно взятый критерий и тип идентичности не превалирует. Идентичность всех больших социальных групп населения имеет этот характер: она совмещает, объединяет несколько видов идентичности, причем в рамках одного и того же критерия нельзя выделить один какой-либо тип, который бы сильно превосходил по своей популярности другие типы. Например, среди имеющихся типов национальной идентичности сегодня количественно не имеется больших различий между локальной (туземные, малая родина), регионально-территориальной (жители Беларуси), гражданской (граждане РБ) и советской (последняя хотя и потеряла своих сторонников в последние годы, но еще получает от 15 до 25% поддержки). Среди основных типов социокультурной идентичности «мы» - группы единомышленников по вере, читательским вкусам, нравственным принципам также не сильно различаются. Наконец, среди собственно социальных типов самоидентификации не выходят за 10-процентный барьер различия между теми, кто выбирает людей своего поколения, своей профессии, своего образа жизни, образования в качестве значимых критериев своих «мы» - групп.

Сегодня у белорусов язык не выступает важнейшим критерием дифференциации на «мы» и «они» - группы, уступая первенство более общему критерию – культуре. Это яркое подтверждение того, что язык для жителей Беларуси является средством общения, коммуникации, а не средством разделения на оппозиционные группы. То же можно сказать и о различиях в политических взглядах (хотя их отметили более 10% людей в 2007 и еще больше в 2006, в настоящее время население предпочитает умеренность и индифферентность к сугубо политическим баталиям). В принципе, это можно считать и показателем неразвитости политической идентичности белорусов (слабого уровня политической дифференциации через политические партии, другие политические институты), однако в контексте нашей темы важно лишь подчеркнуть, что политический тип идентичности не функционален для большинства жителей нашей республики.

Таким образом, культура – важнейший идентификационный принцип реального выделения типов национальной идентичности. Эмпирическое подтверждение данного

тезиса было нами получено несколько лет назад, при проведении сравнительного исследования культуры нескольких народов Восточной и Центральной Европы [9]. Тогда этот вывод казался коллегам ошибочным, поскольку в Чехии и Болгарии язык был важнее всего в национальной самоидентификации. Однако позднее данные исследования Института социологии НАН, других социологов подтвердили этот вывод. Самоопределение белорусского народа не детерминировано национальным языком, и эту его особенность необходимо принимать во внимание.

Ввиду отмеченных выше особенностей формирования белорусской идентичности имеет место еще одна черта белорусского народа, которую нельзя обойти молчанием в анализе современных типов идентичности. Речь идет о превалировании малых групп в процессе самоопределения, самоидентификации белорусов. На первом месте из малых референтных групп у белорусов (впрочем, как и у большинства других народов) находится семья: она – абсолютный лидер, так как более четырех пятых населения чаще других групп выбирают ее как свою «мы» - группу. На втором месте находятся друзья: данную группу часто выбирают до двух третьих населения. «Отрыв» этих двух групп от третьей (коллеги по учебе или работе) составляет более 20%, что подтверждает значимость для белорусского населения выбора самых близких людей (родных, друзей) как «мы» - группы. Такой способ самоидентификации на уровне индивида показывает важность указанных малых групп как средоточения основного социального капитала населения Беларуси, источника его социальной устойчивости, фундамента выживания в разные трудные времена. Белорус ищет помощи у семьи, друзей, он не ждет ее от социальных институтов, оставаясь в несколько большей степени индивидуалистом, чем это присуще сегодня россиянам [10, 53]. Одновременно такая особенность вновь свидетельствует и о том, что процесс формирования национальной белорусской идентичности как идентичности на уровне больших социальных групп еще очень далек от завершения, ибо в обществе превалируют самоидентификации на уровне индивида и малой группы.

Подытожим все вышесказанное.

Сегодня эмпирически подтверждается наличие, как минимум, следующих типов национальной белорусской идентичности:

(1) гражданская (самоотождествление с гражданами Республики Беларусь, которую часто выбирает около четверти опрошенных),

(2) территориальная (отождествление «мы» - группы с жителями Беларуси, которую выбирает более пятой части респондентов),

(3) локально-тутэйшая («мы» - группа как жители малой родины, т.е. своей деревни, города, которую «часто» выбирает пятая часть населения),

(4) советская («мы» – советский народ), данный тип идентичности остается часто выбираемым значительной группой населения (в 2007 – до 15%), хотя он по естественным историческим причинам является исчезающим.

Можно отдельно говорить о национально-этнической идентификации, но для белорусского народа на практике она несущественна, ибо более 4/5 населения – белорусы. Да и этот критерий, судя по данным последнего национального опроса, «часто» выбирают менее четверти белорусов; тогда как большее число респондентов выбирает его «редко» или затрудняется в оценке его значимости.

Ни один из указанных типов национальной белорусской идентичности не доминирует, все типы статистически значимы, но изменчивы и динамичны.

По возрастному критерию гражданскую идентичность предпочитает самое молодое (постсоветское) поколение, которое и социализировалось в новом государстве. А советскую – люди 50 лет и особенно те, кто еще старше, кто хранит ностальгию по

прошлому. Территориальную идентичность разделяют так или иначе люди всех социальных групп, по возрасту – только те, кто старше 30 лет. Локальную идентичность чаще выбирают жители села, чем горожане, и люди старше 50 лет.

Отметим закономерности процесса изменения идентификации населения Беларуси, выявленные в ходе теоретического и эмпирического анализа.

Первое. Сегодня национальная белорусская идентичность не есть по преимуществу этнонациональная. Не принижая значения этого примордиального качества (этничность), укажем, что для белорусов он важен скорее дескриптивно (уточнить, «кто мы» и «откуда родом»), но не в активистски-поведенческом, практическом аспекте. Это означает, что в белорусском обществе, где четыре пятых жителей являются этническими белорусами, этничность не важна как критерий выбора «мы» - группы. «Своими» принимаются люди любого этнического происхождения, ибо не этничность, не национальность, а другие признаки признаются важными в самоопределении (не мордиальные признаки, а современные, модернистские, показывающие социальный капитал – образ жизни, общность с коллегами, своей профессиональной группой, людьми общих моральных принципов). Людей же своей национальности как «мы» - группу выбирают скорее «реже», чем «чаще».

В отличие от Беларуси, в сложной по национальному составу России этнонациональный критерий намного более важен: его выбирают как важный 55%, по данным 2007 г. [11, 12], однако такой высокий выбор является «компенсацией» за «дефицит общегражданской идентичности». В Беларуси компенсация подобного рода не нужна, т.к. здесь не было единой доминирующей общегражданской идентичности.

Второе. Прежде популярная для периферийной (в границах Речи Посполитой, Российской империи, Советского Союза) Беларуси «тутэйшая» (территориально-локальная) идентичность постепенно замещается на гражданскую: происходит (хотя и очень медленно) поворот в самоопределении от «тутэйшых» к «гражданам РБ». Это огромный сдвиг модернизационного плана, хотя пока он дает о себе знать лишь в тенденции.

Третье. Среди социальных вариаций самоидентификации у населения преобладают абстрактные вторичные группы (люди одной профессии, одного образа жизни, одного поколения, уровня достатка), а также иные абстрактные вторичные группы, выделяемые не по «чисто» социальным, а по социокультурным основаниям. Так, единство с лицами, разделяющими такие же нравственные принципы, либо читательские интересы, часто отмечают респонденты в возрасте от 30 до 50 лет. Это означает, что современные критерии, популярные в эпоху модерна, становятся все более важными, а такие традиционные критерии, как религия, соседство, национальная принадлежность, теряют сторонников (их чаще выбирают сельские жители, чем горожане).

Единственное возможное исключение – возраст: такую возрастную «мы» - группу как «люди своего поколения» («мое поколение» - это люди моего возраста) часто выбирает более одной трети опрошенных. Однако здесь может быть важен не только единый возраст, но и общие ценности и подходы, которые формировались на определенном промежутке исторического времени в процессе сходной социализации.

Четвертое. Если согласиться с мнением российских ученых, что когда возрастает важность духовно-нравственных ценностей как критериев идентификации с «мы» - группой, то это свидетельствует, что данные ценности становятся не интегрирующими, а дифференцирующими [11], то этот факт имеет место и в России, и в Беларуси. Если более трети респондентов часто выбирают эти ценности, значит, именно по нравственным ценностям проходит «разлом» в современном обществе. Косвенным образом такой разлом свидетельствует и о переменах в наборе ценностей населения,

и об усилении противоборства между традиционными моральными ценностями и новыми, современными. Ни те, ни другие в Беларуси не доминируют, но приверженцы разных ценностей ощущают это противостояние.

Пятое. Таким же дифференцирующим потенциалом обладают социально-классовые критерии выбора «мы» - групп (уровень достатка, статус). Эти критерии «часто» выбирают от одной четверти до одной пятой белорусов. Можно ли считать это показателем высокой социально-классовой дифференциации общества? Для точного ответа надо рассмотреть показатели в динамике. Если сравнить 2006 и 2007 годы, то оба показателя уменьшились примерно на 5%. (в 2006 г. «часто» выбирали статус 25% и достаток 32% белорусов). Но поскольку в 2007 г. вообще все показатели выборов были количественно ниже, чем в 2006 г., постольку нельзя утверждать, что эти 5% различий представляют значимую величину: по сути, это «пороговое различие», которое можно толковать в обе стороны – и как постоянную величину социальной дифференциации белорусского общества, и как знак снижения значимости показателей социально-классовой дифференциации. Будущее покажет, насколько это расхождение важно для белорусского общества и для белорусского сознания. Однако и сегодняшние 20-25%, которые «часто» выбирают свою «мы» - группу по принципу социальной дифференциации населения, - показатель более высокого расщепления белорусского постсоветского общества (и социального неравенства в нем), чем при советской власти. [12]. Вряд ли можно считать этот рост результатом глобальных влияний на Беларусь. Скорее, это результат рыночных (пусть и не радикальных) реформ в белорусском обществе. Данный тренд показывает, что главный критерий, выбираемый как важный большим числом постсоветских граждан, - социальное равенство, - становится скорее абстрактным принципом, чем воплощенной реальностью.

Шестое. Абсолютно доминируют как «мы» - группы семья (ее «часто» выбирает 85% респондентов) и друзья (57% выборов «часто»), т.е. малые группы. Это означает, что национальная идентичность на уровне большой социальной группы в Беларуси еще находится в процессе ранних этапов своего формирования и осознания. При условии целенаправленной работы всего общества, его политической элиты в этом направлении, она может оформиться именно как тип гражданской идентичности, который может заместить такие типы идентичности, как «жители Беларуси» и «жители своего города, села».

Седьмое. Идентификацию с советским народом сохраняют сегодня только люди от 50 лет и старше. Отметим, что данный тип идентичности постоянно теряет своих приверженцев, и не только в Беларуси. По данным 2007г., и в России такой тип идентичности разделяют менее одной пятой населения [11, 12], что подтверждает ее уходящий характер, несмотря на сохраняющуюся у части населения ностальгию по советским временам.

Теоретический и эмпирический анализ процессов смены идентичности в условиях глобализации и трансформации белорусского общества показывает, что нынешние изменения национальной идентичности в Беларуси не имеют разрушительного характера. Они не опасны для социальной устойчивости общества, а имеющиеся в этом процессе проблемы и противоречия отражают новые постсоветские условия развития страны и многочисленные внешние воздействия на нее в эпоху глобализации. Формирующаяся многосетевая идентичность означает не полный отказ от прежних типов идентичности, а, напротив, сосуществование множества типов: ренессанс некоторых традиционных социокультурных типов (религиозного, локального), дополнение их новыми типами (гражданская белорусская идентичность, европейская, возможно - глобальная), наряду с сохранением некоторого социального пространства и для таких типов идентичности, важность которых исторически уходит в прошлое (советская).

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков М.Н. Российский менталитет в социологическом измерении // Социс. 2008. №6. С.100-114.
2. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983.
3. Гудков Л. Негативная идентичность. - М., 2004.
4. Jasinska-Kania A. Zmieniajace sie identyfikacje europejczykow: globalne, europejskie, narodowe, regionalne i lokalne // Globalizacja i co dalej. W-wa; 2004. S.146-162.
5. Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам // <http://txt.knihi.com/abdziralic/>
6. Титаренко Л.Г. Национальная идентичность и социокультурные ценности населения в современном белорусском обществе. - Мн., 2006.
7. Pawluczuk W. The Polish-Belarusian Frontier in the Civilization Context // The New Europe: uncertain identity and borders. Bialystok, 2007. С.141-146.
8. Yevarouski V. The West and the Rest: Belarusian perspective / The New Europe: uncertain identity and borders. Bialystok, 2007. С.147-160.
9. Klicperova M., Kovacheva S., Titarenko L. Democratic Citizenship in Comparative Perspective. San Diego, 2003.
10. Лапкин В.В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис. 2008. №3. С.50-58.
11. Российская идентичность в социологическом измерении // Полис. 2008. № 3. С.9-28.
12. Терборн Е. Глобализация и неравенство: вопросы концептуализации и объяснения // Социология. 2008. №2.

ДА ПРАБЛЕМЫ ТРАДЫЦЫЙНАЙ КУЛЬТУРЫ ВА ўМОВАХ ТРАНСФАРМАЦЫІ СУЧАСНАГА ГРАМАДСТВА

І.М.Малашук

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Бабруйскі філіял, г. Бабруйск, Беларусь

Больш чым дзесяцігадовы вопыт самастойнага дзяржаўнага жыцця Беларусі са ўсёй упэўненасцю паказвае, што дзяржава не можа існаваць і паспяхова развівацца без сваёй ідэалогіі. За гэты час грамадскасць краіны ўсвядоміла вострую неабходнасць сістэматычнай працы па фарміраванню і аднаўленню дзяржаўнай ідэалогіі Рэспублікі Беларусь як неабходнай перадумовы ўнутранай стабільнасці, адзінства і росквіту народа. Адначасова ўсталявалася разуменне таго, што ідэйныя каштоўнасці грамадства не ствараюцца штучна і адразу, а выпяваюць у ходзе гістарычнага развіцця народа, вынікаюць з вопыту яго дзяржаўнага і грамадскага жыцця, адлюстроўваюць яго духоўныя каштоўнасці. Таму сёння, ва ўмовах трансфармацыі грамадства, як ніколі раней, адчуваецца неабходнасць пазнання беларусамі сваіх каранёў і першавытокаў. Адным з важнейшых сродкаў асэнсавання гэтага з'яўляецца даследаванне народных звычаяў і абрадаў. Мэтазгодна звярнуць увагу на агульнаславянскія традыцыі, звязаныя з першавобразам сонца, таму што славяне пакланяліся сонцу, абагаўлялі яго і салярны культ з'яўляецца неад'емнай часткай светасузірання далёкіх продкаў.

Сонца, па ўяўленню першабытнага чалавека, было галоўным божствам, таму час яго памірання і ажывання, а разам з тым і ўсёй прыроды пакладзены ў аснову язычніцкіх святаў. Яны групуюцца вакол зімняга і летняга сонцаваротаў, прычым пе-